

УДК 304.5

ОЩУЩЕНИЕ И ПОЗНАНИЕ: РОЖДЕНИЕ МАТЕРИАЛИЗМА

НЕКРАСОВ СТАНИСЛАВ НИКОЛАЕВИЧ

д. филос. н., профессор
ФГБОУ ВО «Уральский государственный аграрный университет»
г. Екатеринбург

Аннотация: Пермская университетская школа научной философии при анализе чувственного познания сформулировала психофизиологический парадокс. Однако в самом начале постановки парадокса делается ошибка. Отразится ли она на формулировании и решении парадокса, которое предложено основателем научной школы? Ошибка заключается в понимании чувственного познания. Неверно здесь то, что ощущение будто бы отражает внешнее и случайное, то есть представлено ложно. Автор пособия и основатель школы даже не процитировал основополагающие слова об ощущениях первого отечественного марксиста Г.В. Плеханова. Речь у него и классиков марксизма идет о подлинно человеческих чувствах, а российские философы рассказывают про их форму – нервные структуры, анализаторы. Поскольку материализм не допускает ни малейшей доли агностицизма в познании, это становится возможным благодаря научному пониманию ощущения. В целом в философии возникают серьезные проблемы, которые неизбежны при решении психофизиологического парадокса в случае забвения роли и содержания ощущения, непонимания социального содержания ощущения.

Ключевые слова: анализ чувственного познания, психофизиологический парадокс, ошибка, внешнее и случайное, основатель школы, человеческие чувства, российские философы, нервные структуры, материализм, агностицизм, ощущения, содержания ощущения.

SENSATION AND COGNITION: THE BIRTH OF MATERIALISM

Nekrasov Stanislav Nikolaevich

Abstract. The Perm University School of Scientific Philosophy has formulated a psychophysiological paradox in the analysis of sensory cognition. However, at the very beginning of the statement of the paradox, a mistake is made. Will it affect the formulation and solution of the paradox proposed by the founder of the scientific school? The mistake lies in understanding sensory cognition. What is wrong here is that the feeling seems to reflect the external and accidental, that is, it is presented falsely. The author of the manual and the founder of the school did not even quote the fundamental words about the feelings of the first Russian Marxist G.V. Plekhanov. He and the classics of Marxism are talking about truly human feelings, and Russian philosophers talk about their form – nervous structures, analyzers. Since materialism does not allow the slightest bit of agnosticism in cognition, this is made possible by a scientific understanding of sensation. In general, serious problems arise in philosophy, which are inevitable when solving the psychophysiological paradox in the case of forgetting the role and content of sensation, misunderstanding the social content of sensation.

Keywords: analysis of sensory cognition, psychophysiological paradox, error, external and accidental, the founder of the school, human feelings, Russian philosophers, nervous structures, materialism, agnosticism, sensations, the content of sensations.

Пермская университетская школа научной философии при анализе чувственного познания сформулировала психофизиологический парадокс. Но в самом начале постановки парадокса делается

ошибка. Отразится ли она на формулировании и решении парадокса, которое предложено основателем научной школы? Ошибка заключается в понимании чувственного познания. В учебном пособии по философии В.В. Орлова говорится: «Чувственное познание — отображение *внешних сторон* действительности, или *явления*. Поскольку не все явления отображаются в чувствах, доступные последним явления можно назвать *чувственными явлениями*» [1, с. 144].

Далее из ложной посылки делаются следующие разъясняющие выводы: «*Основными формами чувственного познания* являются ощущения, восприятия и представления.

Ощущение — *отражение отдельных внешних свойств вещи*, которые осознаются нами в виде цветов, запахов, вкусов и т. п.

Для обыденного здравого смысла цвет, запах, вкус выступают как непосредственные свойства вещей, однако критический разум показывает, что цвет, запах и т. д. — суть состояния знания вещи, а не сами непосредственные свойства вещи. Эти состояния включают как собственно свойства вещи, или объективное содержание, так и субъективную форму их отображения, зависимость от природы человека» [1, с. 144].

Неверно здесь то, что ощущение отражает внешнее и случайное, то есть представлено ложно. И ведь автор пособия даже не процитировал основополагающие слова первого отечественного марксиста Г.В. Плеханова из работы «Основные вопросы марксизма»: «Если Маркс начал выработку своего материалистического объяснения истории с критики *Гегелевой философии права*, то он мог поступить так только потому, что *критика спекулятивной философии Гегеля* была закончена еще Фейербахом.

Даже критикуя Фейербаха в своих тезисах, Маркс нередко развивает и дополняет его же мысли. Вот пример из области «гносеологии». По словам Фейербаха, человек, прежде чем *думать* о предмете, *испытывает на себе его действие, созерцает его, чувствует*» [2, с. 136].

Речь идет о гениальной поправке Марксом Фейербаха: «Маркс имеет в виду эту мысль Фейербаха, говоря: «Главный недостаток материализма, — до Фейербахова включительно, — состоял до сих пор в том, что он рассматривает действительность, предметный, воспринимаемый внешним чувством, мир, лишь в форме *объекта* или в форме *созерцания*, а не в форме конкретной человеческой деятельности, не в форме практики, не субъективно». Этим недостатком материализма объясняется, — говорит далее Маркс, — то обстоятельство, что Фейербах в своей «Сущности христианства» рассматривает, как истинно человеческую деятельность, только деятельность теоретическую. Другими словами это можно выразить так: Фейербах указывает на то, что наше *я* познает *объект*, *лишь подвергаясь его воздействию*. Маркс же возражает: наше *я* познает объект, *воздействуя на него с своей стороны*. Мысль Маркса вполне правильна; еще *Фауст* сказал: «*в начале дело было*».

Конечно, в защиту Фейербаха можно возразить, что ведь и в процессе *нашего* *воздействия* на предметы мы познаем их свойства лишь постольку, поскольку они с своей стороны *воздействуют* на нас. В обоих случаях *мышлению* предшествует *ощущение*, в обоих случаях мы прежде *ощущаем* их свойства, а потом уже *думаем* о них. Но Маркс этого и не отрицал. Для него дело было не в том неоспоримом факте, что ощущение предшествует размышлению, а в том, что человек побуждается к размышлению главным образом теми ощущениями, которые он испытывает в процессе своего *воздействия* на внешний мир. А так как это *воздействие* на внешний мир предписывается ему его борьбой за свое существование, то теория познания тесно связывается у Маркса с его материалистическим взглядом на культурную историю человечества. Недаром тот же самый мыслитель, который направил против Фейербаха интересующий нас здесь тезис, написал в первом томе своего «Капитала»: «*воздействуя на природу вне его, человек изменяет свою собственную природу*». Это положение обнаруживает весь свой глубокий смысл только при свете Марксовой теории познания. И мы еще увидим, как сильно подтверждается эта его теория историей культурного развития и даже, между прочим, наукой о языке. Но все-таки надо признать, что гносеология Маркса по самой прямой линии происходит от гносеологии Фейербаха или, если хотите, что она, собственно, и есть гносеология Фейербаха, но только углубленная посредством сделанной к ней Марксом гениальной поправки» [2, с. 136-137].

Главное в этом фрагменте первого русского марксиста и самого Маркса – ощущение! И Г.В. Плеханов верно вписывает Марксову поправку в контекст времени: «Прибавим мимоходом, что эта гени-

альная поправка была подсказана «духом времени». В этом стремлении взглянуть на взаимодействие между объектом и субъектом именно с той его стороны, с которой субъект выступает в *активной* роли, сказалось общественное настроение того времени, когда складывалось мирозерцание Маркса-Энгельса). Революция 1848 года была тогда уже не за горами...» [2, с. 137].

Вопрос об ощущении архисложен в истории философии. Центральным понятием гносеологии является понятие «познание». А содержанием сознания является знание, значит задача познания – создать содержание сознания, которое соответствует бытию. В «Немецкой идеологии» мы видим это понимание: «Производство идей, представлений, сознания первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни. Образование представлений, мышление, духовное общение людей являются здесь еще непосредственным порождением их материальных действий. То же самое относится к духовному производству, как оно проявляется в языке политики, законов, морали, религии, метафизики и т.д. того или другого народа. Люди являются производителями своих представлений, идей и т.д., но речь идет о действительных, действующих людях, обусловленных определенным развитием их производительных сил и соответствующим этому развитию общением, вплоть до его отдаленнейших форм. Сознание [das Bewußtsein] никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием [das bewußte Sein], а бытие людей есть реальный процесс их жизни. Если во всей идеологии люди и их отношения оказываются поставленными на голову, словно в камере-обскуре, то это явление точно так же проистекает из исторического процесса их жизни, как обратное изображение предметов на сетчатке глаза проистекает из непосредственно физического процесса их жизни» [3, с. 25].

Добавим, что и здравый смысл и общее понимание мира как смысл реальных живых людей исходят из простого положения: знания не должны нас обманывать и создавать иллюзии вроде палки, погруженной в воду, которая только выглядит сломанной, поскольку находится на границе воздуха и воды. На это обращают внимание лишь редкие философы, как правило, марксисты, которые говорят, что «Обыденный здравый смысл вкладывает в термин «познание» в общем и целом правильный смысл: познание означает, что мы узнаем вещи такими, какими они являются на самом деле, объективно. Однако за этим принципиально верным смыслом могут скрываться настолько различные толкования, что нередко возникают либо агностические, либо упрощенные наивно-реалистические трактовки процесса познания. «Здравый смысл», не обогащенный специальным углубленным философским анализом понятия познания, не превращенный в научно разработанную концепцию познания, пасует уже перед простейшей проблемой—ощущения как элементарной формы познания» [1, с. 138].

И действительно, «С позиций наивного реализма (Эпикур, Бэкон) вещи буквально таковы, какими мы их воспринимаем, они обладают цветом, запахом, вкусом и т. д. Роза красна и тогда, когда мы на нее не смотрим, соль в солонке обладает объективным свойством солёности» [1, с. 138]. «Не сыпь мне соль на раны» означает, что не соль солонка сама по себе и мед сладок – мед горек при ряде заболеваний.

Прекрасно зная ограниченность здравого смысла как надежного спутника в повседневной обыденной жизни, Ф. Энгельс поставил вопрос с позиций научной философии в своей формулировке Основного вопроса философии как отношение мыслей об окружающем мире к самому миру. Иначе говоря, это проблема познаваемости мира: «В состоянии ли наше мышление познавать действительный мир, можем ли мы в наших представлениях и понятиях о действительном мире составлять верное отражение действительности?» [4, с. 283].

Но уже добрый здравый смысл ставит под вопрос саму познаваемость мира человеком и в учебном пособии это выглядит как трагедия ненаучной философии: «здравый смысл (опять здравый смысл!) заставляет признать, что если цвет непосредственно есть ощущение, возникшее в нашей нервной системе (мозгу) под влиянием внешнего воздействия — лучей света определенной длины волны, то цвет должен быть синтезом свойств предмета и нашей нервной организации и, следовательно, предмет не обладает цветом как таковым. Роза не является буквально красной, а соль — соленой вне отношения к человеческим органам чувств. Но не следует ли в таком случае признать, вслед за Демокритом, Гоббсом и Локком, что цвета, запахи, вкус, как таковые, целиком субъективны? Однако если это так, то, как логично заключил Беркли, следует признать и субъективность вещей, которые становятся для нас лишь комплек-

сами ощущений» [1, с. 139]. И вот здесь вступает Л. Фейербах со своим философским антропологизмом, которого недостаточно и который и был дополнен К. Марксом. У Л. Фейербаха основой материализма оказывается именно ощущение как самое простое, но требующее разъяснения: «Проблему ощущения, его отношения к объективному миру, в основном решил уже Фейербах. С его точки зрения, цвет, запах, соленость и т. д. — это *субъективное выражение объективных свойств вещей*» [1, с. 139].

Но, как мы видим далее, Пермская школа при рассмотрении вопроса об отражении мира не приводит открытое К. Марксом «человеческое чувство, соответствующее всему богатству человеческой и природной сущности» [5, с. 594]. Эт и чувства сложнее ощущений и для К. Маркса это уже не чувство солености, но отношение к женщине. Он пишет об отношении в чувственном виде, о социальном отношении в виде чувственности и коллективного социального ощущения: «В отношении к *женщине*, как к *добыче* и служанке общественного сладострастия, выражена та бесконечная деградация, в которой человек оказывается по отношению к самому себе, ибо тайна этого отношения находит свое *недвусмысленное, решительное, открытое*, явное выражение в отношении *мужчины к женщине* и в том, как мыслится *непосредственное, естественное* родовое отношение. Непосредственным, естественным, необходимым отношением человека к человеку является *отношение мужчины к женщине*. В этом *естественном* родовом отношении отношение человека к природе непосредственно заключено его отношение к человеку, а его отношение к человеку есть непосредственным образом его отношение к природе, его собственное *природное* предназначение.

Таким образом, в этом отношении *проявляется* в чувственном виде, в виде наглядного *факта* то, насколько стала для человека природой человеческая сущность, или насколько природа стала человеческой сущностью человека. На основании этого отношения можно, следовательно, судить о ступени общей культуры человека. Из характера этого отношения видно, в какой мере человек стал для себя *родовым существом*, стал для себя *человеком* и мыслит себя таковым. Отношение мужчины к женщине есть *естественнейшее* отношение человека к человеку. Поэтому в нем обнаруживается, в какой мере *естественное* поведение человека стало *человеческим*, или в какой мере *человеческая* сущность стала для него *естественной* сущностью, в какой мере его *человеческая природа* стала для него *природой*. Из характера этого отношения явствует также, в какой мере *потребность* человека стала *человеческой* потребностью, т. е. в какой мере *другой* человек в качестве человека стал для него потребностью, в какой мере сам он, в своем индивидуальнейшем бытии, является вместе с тем общественным существом» [6, с. 115-116].

Речь идет о подлинно человеческих чувствах, а нам рассказывают про их форму – нервные структуры, анализаторы. В.В. Орлов обращается к Фейербаху в интерпретации В.И. Ленина. Посмотрим, как в книге «Материализм и эмпириокритицизм» говорится о чувствах и ощущениях у предшественника марксизма, который превзошел И. Канта и показал мир познаваемый, но существующий объективно. У В.И. Ленина это описано так: «Мир в себе есть мир существующий без нас. Это - материализм Фейербаха, как материализм XVII века, оспариваемый епископом Беркли, состоял в признании «объектов самих по себе», существующих вне нашего сознания. «An sich» (само по себе или «в себе») Фейербаха прямо противоположно «An sich» Канта: вспомните вышеприведенную цитату из Фейербаха, обвиняющего Канта в том, что для него «вещь в себе» есть «абстракция без реальности». Для Фейербаха «вещь в себе» есть «абстракция с реальностью», т. е. существующий вне нас мир, вполне познаваемый, ничем принципиально не отличающийся от «явления».

Фейербах очень остроумно и наглядно поясняет, как нелепо принимать какой-то «трансцензус» от мира явлений к миру в себе, какую-то непереходимую пропасть, созданную попами и перенятую у них профессорами философии» [7, с. 118-119]. Пояснение про пропасть, «созданную попами и перенятую у них профессорами философии», совершенно точно для демонстрации, что Фейербах выше все немецкой классической философии даже при учете ее диалектических завоеваний.

Далее В.И. Ленин уточняет на основе фейербахианства и свою позицию: «Предметы наших представлений отличаются от наших представлений, вещь в себе отличается от вещи для нас, ибо последняя - только часть или одна сторона первой, как сам человек - лишь одна частичка отражаемой в его представлениях природы.

«... Мой вкусовой нерв такое же произведение природы, как соль, но из этого не следует, чтобы вкус соли непосредственно, как таковой, был объективным свойством ее, - чтобы тем, чем является (ist) соль лишь в качестве предмета ощущения, она была также сама по себе (an und für sich), - чтобы ощущение соли на языке было свойством соли, как мы ее мыслим без ощущения (des ohne Empfindung gedachten Salzes)...». Несколькими страницами раньше: «Горечь, как вкус, есть субъективное выражение объективного свойства соли» [7, с. 119-120].

Позиция Фейербаха определена окончательно: «Ощущение есть результат воздействия объективно, вне нас существующей вещи в себе на наши органы чувств, такова теория Фейербаха. Ощущение есть субъективный образ объективного мира, мира an und für sich» [7, с. 120].

Классик с удовольствием цитирует еще Фейербаха: «... Так и человек есть существо природы (Naturwesen), подобно солнцу, звезде, растению, животному, камню, но тем не менее он отличается от природы и, следовательно, природа в голове и в сердце человека отличается от природы вне человеческой головы и вне человеческого сердца» [7, с. 120]. Мы оборвали цитату с тем, чтобы показать, что она позволяет сделать вывод в духе диалектического материализма: «Всякая таинственная, мудреная, хитроумная разница между явлением и вещью в себе есть сплошной философский вздор. На деле каждый человек миллионы раз наблюдал простое и очевидное превращение «вещи в себе» в явление, «вещь для нас». Это превращение и есть познание. «Учение» махизма, что раз мы знаем только ощущения, то мы не можем знать о существовании чего-либо за пределами ощущений, есть старый софизм идеалистической и агностической философии, поданный под новым соусом» [7, с. 120].

И далее В.И. Ленин обращается к своему любимому персонажу – И. Дицгену, который сам пришел к диалектическому материализму, преодолевая иллюзии и кантовскую терминологию: «Иосиф Дицген - диалектический материалист. Мы покажем ниже, что его способ выражений часто неточен, что он часто впадает в путаницу, за которую и ухватились разные неумные люди (Евгений Дицген в том числе) и, конечно, наши махисты. Но разобрать преобладающую линию его философии, ясно отделить материализм от инородных элементов, этого они не потрудились сделать или не сумели» [7, с. 121].

Поскольку это пока выходит за пределы нашего рассмотрения ощущения, покажем вслед за В.И. Лениным и Ф. Энгельсом, что материализм не допускает ни малейшей доли агностицизма в познании. И это становится возможным благодаря научному пониманию ощущения. Критикуя махистов по вопросу ощущения, В.И. Ленин пишет: «Это - один сплошной комок путаницы. 1) Материалисты XVII века, с которыми спорит Беркли, признают «объекты сами по себе» безусловно познаваемыми, ибо наши представления, идеи суть лишь копии или отражения этих объектов, существующих «вне ума» (см. «Введение»). 2) Против «принципиального» отличия между вещью в себе и явлением спорит решительно Фейербах, за ним И. Дицген, а Энгельс кратким примером превращения «вещей в себе» в «вещи для нас» опрокидывает это мнение. 3) Наконец, что материалисты считают вещи в себе «всегда лишь смутно познаваемыми в явлении», это просто вздор, как мы видели в опровержения агностика Энгельсом; причина искажения материализма Богдановым - непонимание им отношения абсолютной истины к относительной (о чем у нас будет речь ниже). Что касается до «внеопытной» вещи в себе и до «элементов опыта», - то это уже начинается махистская путаница, о которой мы достаточно говорили выше.

Повторить за реакционными профессорами невероятный вздор про материалистов, - отречься в 1907 году от Энгельса, - пытаться в 1908 году «обработать» Энгельса под агностицизм, - вот она, философия «новейшего позитивизма» российских махистов!» [7, с. 121-122].

В самом начале книги В.И. Ленин указывал, что «в основе теории познания диалектического материализма лежит признание внешнего мира и отражения его в человеческой голове» [7, с. 5]. М.Н. Руткевич в своем учебнике для философов подчеркивает, что ощущение и есть отражение, а на принципе отражения стоит весь материализм без исключения: «Принцип отражения признается всем материализмом, а не только материализмом диалектическим. Быть материалистом в теории познания, стоять на точке зрения теории отражения и признавать познаваемость мира — одно и то же. Если мы признаем, что окружающий мир материален, существует независимо от сознания, а сознание является свойством мозга, особого вида материи, то вполне логично признать, что наши ощущения и мысли, будучи в последнем счете продуктами природы, должны соответствовать ей. Соответствие предполагает

сходство, т. е. отражение сознанием бытия. Утверждая, что сознание дает в основном верные образы, снимки, копии реальности, мы тем самым утверждаем, что человечество познает мир таким, каков он есть на самом деле, что никаких принципиальных границ между познающим сознанием и вещами нет и быть не может.

Каждому здравомыслящему человеку позиция материализма кажется само собой разумеющейся. Сталкиваясь в повседневной практике с явлениями природы и общества, мы познаем их. Убеждение человечества в возможности познания природы формируется и вырастает из практики. Различие же между стихийно-материалистическим мировоззрением, свойственным обыденному сознанию, «здоровому смыслу», и философским материализмом состоит в том, что последний сознательно ставит вопрос об отношении мышления к окружающему миру и доказывает тезис о познаваемости мира на основе всей совокупности данных науки и практики» [8, с. 183]. Пассаж заключается утверждением: «Принципиально иным образом вопрос решает идеализм» [8, с. 183]. Мы покажем далее серьезные проблемы, которые возникают при решении психофизиологического парадокса в случае забвения роли и содержания ощущения и непонимания социального содержания ощущения.

Список источников

1. Орлов В.В. Основы философии. Часть первая. Общая философия. Вып. 2.: Учебное пособие. 3-е изд, перераб. и доп. Пермь: Пермский университет, 2001. -193 с.
2. Плеханов Г.В. Избранные философские произведения в пяти томах. М.: ГИПЛ, 1957. т. 3. – 784 с.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2 изд., М.: ГИПЛ, 1955. т. 3. – 629 с.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2 изд., М.: ГИПЛ, 1961. т. 21. – 745 с.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений; Ин-т Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина при ЦК КПСС. – М.: Госполитиздат, 1956. - 689 с.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2 изд., М.: ГИПЛ, 1974. т. 42. – 514 с.
7. Ленин В.И. Полн. собр. соч., М.: ИПЛ, 1969. т. 18. – 525 с.
8. Руткевич М.Н. Диалектический материализм. М.: Мысль, 1973. – 527 с.